

О.Н. Трубачев

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН. VII

Серия работ с таким названием печаталась в "Вопросах языкознания" 1982, 1984 и 1985 гг., а устный доклад был оглашен на IX Международном съезде славистов в Киеве в 1983 г. (правда, еще раньше, в 1981 г., я уже доложил свою концепцию на XIV Международном конгрессе ономастических наук в Мичиганском университете, Энн Арбор, и на секции культуры Древней Руси в Москве).

Суть нашей концепции — древнее знакомство славян со Средним Дунаем, древнее обитание славян в непосредственной близости от Дуная и Центральной Европы. При этом поднимались принципиальные теоретические вопросы, затрагивающие не только языкознание (подвижность праславянского ареала, сосуществование разных этносов внутри праславянского ареала и другие). Именно это сознание неразрывной связи задач языкознания, истории, археологии в этой проблеме дает нам право говорить средствами своей науки об этногенезе славян, а, скажем, не о глоттогенезе, так как последнее означало бы искусственное отмежевание судеб языка от судеб его носителей.

Что послужило мотивом обращения к среднедунайской теории праславянского ареала? В основу этой концепции легли, прежде всего, многолетние изучения славянско-индоевропейских лексических (этимологических) изоглосс, вообще — двусторонних лингвистических связей, и древних заимствований, т.е. односторонних отношений. К этому побуждала постепенно вскрываемая в ходе подготовки Этимологического словаря славянских языков (вышло 18 выпусков) сложность балто-славянских отношений, с одной стороны, и изоглоссы связи праславянского лексического и языкового материала с западными индоевропейскими языками — с другой. Общениа древних славян с древними италийцами (т.е. латинянами и родственными им племенами) до миграции последних на Апеннинский полуостров, связи древней славянской металлургической терминологии с соответствующей лексикой не только латинского, но также германских и кельтских языков в рамках предполагаемого нами центральноевропейского культурного района — это древние совместные культурноязыковые переживания, предшествующие более поздним праславянским заимствованиям из германского и кельтского, которые (особенно — кельтские контакты) также уместнее локализовать на более южных и более западных территориях, чем это обычно делалось до сих пор, т.е. по нашей концепции — в Паннии и Подунавье.

К вышесказанному имеет самое прямое отношение такое положение нашей концепции, как самобытность праславянского как индоевропейского диалекта (группы диалектов) и возможность более глубокой датировки самостоятельного его существования (слово "датировка" применяется здесь с минимальными претензиями на хронологическую абсолютность). Что касается самобытности и самостоятельности славянского языкового типа, то она нуждается в нашей защите не в силу слабости концепции, а, как увидим ниже, по причине неутрачивающих стремлений подвергнуть именно этот тезис острой дискуссии¹.

Акцентируя западные контакты праславянского, мы не упускаем из виду и контактов восточных, подразумевая раннюю и, возможно, неоднократную инфильтрацию центральноевропейского, придунайского населения на север и северо-восток, на Украину. Об этом говорят и археологические материалы, и лингвистические (этимологические) разыскания славяно-иранских и славяно-индоарийских отношений скифского времени. На основании этого мы говорим о довольно раннем освоении Приднепровья, хотя споры здесь ведутся, причем дискуссионная участь не миновала и славянский статус имени города Киева, к которому мы еще вернемся.

"Возврат Трубачева к теории Шафарика" о наддунайской прародине славян (примерно так звучит это в формулировке чехословацких коллег) мотивирован достижениями теоретического языкознания, индоевропеистики, этимологических исследований. Сюда относится и сатэмный (следовательно, фонетически более продвинутый сравнительно с более архаическим кентумным и, значит, близкий к инновационному центру, а не периферии индоевропейского ареала) статус славянского, далее — возможности социо- и этнолингвистики, позволившие нам истолковать как естественный феномен относительно позднее появление этнонима славяне (пресловутое упоминание классических греческих и римских авторов о славянах), над чем бился еще Шафарик, и многое другое. И все-таки, несмотря на то что почтенный наш предшественник не имел в своем распоряжении нынешних достижений науки, которыми располагаем мы, порой кажется, что и сейчас эти идеи отстаивать не легче, чем в его время. Дело отнюдь не в недостаточной солидности положительной аргументации концепции, а в определенной, так сказать, склонности умов видеть вещи в традиционном свете.

Так, в своих статьях из этой серии я уже не один раз попытался развить и аргументировать тезис о длительном существовании славянского этноса в Европе (так Шафарик) специальными этнолингвистическими доводами о длительной доэтнонимической стадии, когда этнос обходился более элементарной самоидентификацией типа 'мы', 'свои', 'наши' и славянами стал называться не сразу, почему его и "не заметили" греческие и римские авторы ранней эпохи (хотя трудно поручиться, что не славяне скрывались, например, под именем паннонцев первых веков нашей эры в сочинениях античных авторов). Мой западногерманский оппонент Удольф все это прочел и остался при своем убеждении, как явствует из нижеследующей цитаты: "...если бы славяне действительно должны были уже в доисторическое время

населять крупную область к северу или (в последнее время по О.Н.Трубачеву) к югу от Карпат, то тогда нам должно было бы быть сообщено об этом из античных источников². Все-таки научный диалог иногда, к сожалению, слишком напоминает беседу двоих, каждый из которых слушает только себя.

В современной науке неуклонно прокладывают себе дорогу идеи древней диалектной сложности праславянского языка, однако как трудно бывает лингвистам свыкнуться с этими идеями и притом — вовсе не потому, что нет фактов (факты есть, и их довольно много), а потому, что для этого нужно расстаться с привычными идеями, на которых учились поколения. Югославская лингвистка В.Цветко-Орешник посвятила значительную часть своей диссертации моим славяно-иранским лексическим исследованиям и даже благоприятно оценила выделяемый в них феномен *polono-iranica* (т.е. когда ряд лексических иранизмов являются очевидно праславянскими, но группируются вокруг польского языка). И все-таки она так и не решила для себя главный вопрос: "Можно ли для времени, когда были предположительно осуществлены эти заимствования (в последнем случае явно еще в древнеиранскую эпоху), считаться с такой сильной или столь четкой географически дифференциацией праславянского языка?"³

Тем не менее все яснее делается методологическая, можно сказать — интердисциплинарная, важность понимания древней сложности языка, а возможно также и культуры. Правда, на этом пути уменьшаются надежды на то, что мы получим однозначные археологические подтверждения, но такие подтверждения и раньше встречались редко, что же говорить сейчас, когда сложности (многокомпонентности) внутриязыковой реконструкции по идее может противостоять (хотя может и не противостоять!) сложность результатов реконструкции археологической. Из того положения, что для обеих дисциплин приобретает сомнительность прежний постулат первоначального единства (языка, культуры), можно извлечь положительную информацию. Неоднозначные корреспонденции языкознания и истории культуры также заслуживают того, чтобы к ним специально приступить.

Возвращаясь к своей основной — "дунайской" — теме, отмечу, что она иногда квалифицируется как "вызов" археологии: "...это вызов, на который археология должна будет дать ответ — положительный или отрицательный"⁴. Ну, что же, в каждой новой работе, концепции есть элемент вызова, хотя я в данном случае меньше всего думал о вызове археологии. В конце концов, здесь можно усмотреть скорее вызов языкознанию, но не это главное. Мне известны спокойные и заинтересованные высказывания о моей дунайской концепции лингвистов, которые сами занимаются праславянским языком и имеют о нем свои, отличные суждения⁵. Важно, что "ветер перемен" уже коснулся многих — прежде тихих — заводов науки о праславянском языке, и это есть самый неумолимый вызов нам всем — вызов науки. О праславянских диалектах заговорили. Н.И. Толстой обратил внимание на малонизвестную карту праславян-

ских диалектов 1913 года Д.П. Джуровича, причем сделал это лишь сейчас, в восьмидесятые годы, хотя сам этот библиографический раритет попался ему на глаза очень давно⁶. Он отмечает, в частности, что Джурович, как и через полвека после него Трубачев в своей схеме праславянских диалектов 1963 г., говорит о древней близости серболужичан и предков восточных славян. В действительности же лингвистических схем размещения праславянских диалектов сейчас еще больше, чем называет Толстой (он приводит там еще схемы Фурдаля и Шевелева, основанные на сравнительно-исторической фонетике, но не дает "схему возможного диалектного членения позднепраславянского языка до великой миграции славянских племен" Шустер-Шевца 1977 года⁷.

Поскольку дунайская концепция означает, естественно, "вызов" концепциям прародины славян к северу от Карпат, в адрес дунайской концепции начали поступать возражения сторонников прикарпатской и приднепровской концепций. Так, по словам моего западногерманского оппонента в вопросах прародины, "О.Кронштайнер и О.Н. Трубачев могли бы уже при беглом осмотре гидронимов древней Паннонии увидеть, что они при сравнении с их современными формами обнаруживают свою позднюю славизацию: так, в названии реки Enns нет никаких признаков нормального славянского развития в форму **Онъса*, а *Mur/Mura*, название одной из крупнейших рек этого региона, показывает отсутствие славянской эволюции *-ō- > -a-"⁸. Что ж, значит, на "вызов" немедленно последовал ответный вызов, поэтому не будем уклоняться. Начнем с того, что река Эннс, впадающая в Дунай справа, к западу от Вены, находится на территории римской провинции Норик, а не в Паннонии. Не в моих намерениях было также оспаривать соседство со славянскими названиями неславянских, таких, скажем, как *Enns* и *Mur*. Теперь перейдем к Паннонии, точнее — к римской провинции *Pannonia prima*, расположенной вокруг озера Балатон, которая, видимо, дала название остальным римским провинциям к востоку и к югу — *Pannonia Valeria*, *Pannonia Savia*, *Pannonia Secunda*. Название исторической области *Pannonia* давно убедительно объяснено как производное от вероятного местного названия **Pannona*, иллирийского соответствия слову со значением 'болото' в нескольких индоевропейских языках, ср. др.-прусс. *pannean* 'болото'⁹. **Pannona* означало, таким образом, по-иллирийски 'Болотный город' и этот город был, надо думать, идентичен славянской княжеской резиденции кирилло-мефодиевских времен — **Блатнь градъ*, с точным тогдашним немецким соответствием **Mosa-purc*¹⁰. Если основной древний город страны назывался 'город при болоте', то скорее всего 'Болотом' назывался сам Балатон (наиболее заболочены берега южного — Малого Балатона, близ которых и находился Блатенград = Мозабург = Залавар). Опуская детали (по-своему тоже интересные, скажем, то, что в венг. *Balaton*, название озера, отражено не столько само древнее славянское название этого озера, которым был, скорее, чистый апеллатив *Болото*, праслав. **bolto*, а уже название Болотного города), остановимся на факте, что *Pannonia* значило, таким образом, 'страна Болота' (или

'страна Болотного города', названия области по городу не такая редкость в древности) и что эта иллирийская номинация теснейшим образом продолжается в древней местной славянской номинации. Имеем ли мы после этого право говорить о "поздней славизации" Паннонии?

Мой коллега в ГДР, видный ономаст Э.Эйхлер, высказался недавно довольно скептически об обсуждаемой тут дунайскославянской концепции: "...на мой взгляд, в дунайском регионе отсутствуют типично праславянские гидронимы"¹¹. При этом осталось не совсем ясным, что он подразумевает под "типично праславянскими гидронимами". Если имеются в виду развитые гидронимические модели, то в такой специфической области, как Среднее Подунавье, заметим, давно переставшее быть славянским, их, возможно, и не имеет смысла ожидать. Но в Подунавье, действительно, представлены славянские гидронимы, которые следует отнести к простейшему (т.е. древнейшему) типу, — это выступающие в роли гидронимов гидрографические термины (то, что Краз называл "Wasserwörter" и относил, как известно, к древнейшим образованиям в гидронимии): праслав. **struga* 'струя', **bъrъzь* 'быстрый', **bystrica* 'быстрая река', **potokъ* 'поток', **sopotъ* 'источник, родник', **toplica* 'теплая вода', **kaliga* 'грязь, тина', **bolto* 'болото' и другие подобные. Мы наблюдаем при этом нередко практическое тождество гидронимов и соответствующих нарицательных слов, что также нужно считать признаком древней гидронимической номинации. Помимо этого, и к западу и к востоку от Среднего Дуная до сих пор представлены (и отмечены там с начальных веков венгерской письменности) также характерные словообразовательные типы и модели славянской гидронимии: 1) суффиксальные производные (**berzъnica*, **lězъnica*, **ščavica*, **rěčina*, **niža*, **tvъrnava*), 2) префиксальные сложения (**perstegъ*), 3) двусосновные сложения (**konotopa*). Разумеется, серьезного внимания в этой связи заслуживают и достоверные примеры исконнославянских водных названий с примыкающих моравских и словацких территорий дунайского бассейна, ср. словац. *Poprad* < **po-prędъ*¹², чеш. (морав.) *Punkva* < праслав. **ponikъva*, праславянский характер образования которых трудно подвергнуть сомнению.

Думаю, что с развитием концепции праславянской диалектной сложности обострится исследовательский интерес к племенным названиям у славян. Он и сейчас уже заметно оживился, но этнонимы могут дать нам еще гораздо больше информации для раскрытия своего и чужого понимания этих образований, их происхождения и вторичного осмысления. Ярким примером могут служить имя племени ободритов, мнѣния о нем в литературе и реальные его связи.

Ободриты (Abodriti, Obodriti западных источников) обычно объясняются в связи с названием реки Odra (так раньше думали и мы: **ob-odr-iti* 'по обоим берегам Одера живущие'). Однако наиболее известные западнославянские ободриты локализируются в стороне от Одера — в низовьях Эльбы. Следовать за объяснением, по которому Obodriti — это словообразовательно зафиксированное языком ответвление ободрян (955 г.: Abatareni), якобы изначальных жителей по

Одеру¹³, все-таки не представляется убедительным, да и сама связь с Одером — рекой и названием, скорее вторично славянизированными на северо-западе, становится все менее вероятной. Между прочим, франкские анналы начала IX в. знают также ободритов (Abodriti, род. мн. Abodritorum) на Дунае «по соседству с болгарами в Дакки». Последние ободриты снабжаются в анналах эпитетом Praedenecenti, что недвусмысленно значит по-латыни 'грабящие и убивающие, убивающие с грабежом'. Снабжается там этот эпитет пояснениями: Abodriti (в тексте: legatos Abodritorum) qui vulgo Praedenecenti vocantur, что можно понять только как "ободриты, называемые в народной речи грабителями" (прочие кривотолки здесь опускаем, см. о них¹⁴). Вся загвоздка в этом латинском пояснении анналиста — "в народной речи": франкские историографы знали своих беспокойных славянских соседей, из живого племенного языка которых может происходить этот устрашающий этноним-эпитет, по способу образования да и по смыслу напоминающий имя неукротимых лютичей. Не окажется ли тогда постулировавшаяся в литературе связь с западнославянским Одером ученым конструктом? (тем более сомнительна была бы связь с незначительной Одрой в Подунавье, бассейн Савы¹⁵, не говоря уж о речушке Одра в Верхнем Поднепровье). Что касается "народной речи", в которой ободриты понимались как 'грабители', то думать можно только о связи с вариантом славянского глагола *ob(ь)dyrati 'ободрать, ограбить' (как думал еще А. Брюкнер)¹⁶. Отметим, что при этом убывание этимологической понятности имени ободритов "в народной речи" можно было бы предположить по мере удаления их от Дуная на север, к Балтике.

В число необходимых задач широких этногенетических исследований выдвигается интердисциплинарный аспект типологии этногенеза, цель которого — в раскрытии неуникального характера славянской языковой и этнической эволюции и динамики, ибо до тех пор, пока славянский этногенез будет трактоваться как нечто уникальное в своем роде, он рискует оставаться плохо доказуемым явлением. Подробнее у меня написано об этом в последних частях серии "Языкознание и этногенез славян", опубликованных в "Вопросах языкознания" за 1985 г. Там избран аспект типологических германо-славянских аналогий. Так, одна из германских аналогий поучительна тем, что подсказывает неуместность точных хронологических датировок появления славянского этноса. Другая такая аналогия помогает сформулировать мысль об отсутствии следов древнего индоевропейско-неиндоевропейского двуязычия в Европе как на германском, так и на славянском материале. Следующая германо-славянская аналогия касается не только и не столько языка, сколько всей этнической динамики, и выражается в общем для ряда индоевропейских этносов движении на Север с последующими возвратами на Юг. Она вписывается (здесь я целиком доверяюсь консультации археолога¹⁷) в древнюю экспансию культуры воронковидных кубков на север в результате сильного постгляциального потепления, но и в более поздние эпохи подкрепляется выразительными свидетельствами, указывающими на "приток населения южного происхождения", т.е. конкретно

со Среднего Дуная, в бассейн Одера в бронзовый век. Здесь не все относится к германским параллелям, которые сводятся к лингвистическим доводам о вторичном приходе германцев в Скандинавию с юга, но всегда важно бывает опереться на аналогии. А самое, быть может, важное здесь — это указание польского археолога на четкое различие западной — одерской — зоны и восточной, вислинской, в смысле упомянутого притока с Дуная именно в одерскую зону эпохи бронзы¹⁸, указание, небезразличное для судьбы польских теорий праславянского автохтонизма на Одере и Висле.

Наконец, к числу германо-славянских аналогий принадлежит формирование названий руды и железа и весь эпизод культуры железа. И германцы, и славяне начинали культуру освоения железа с болотного железняка. Об этом говорит не только происхождение славянского слова **ruda*, собственно 'красная' (имеется в виду 'красная земля' — о буром болотном железняке), с этимологическими соответствиями в германском. Об этом же говорит этимологическое тождество *железо* 'металл' и *железа́* 'комочек органический (а первоначально также и неорганический)', опять-таки объяснимое только на фоне культуры комочкообразного болотного железа. На этом же фоне впервые обосновывается культурно-этимологическая изоглосса лат. *ferrum* 'железо' (**dhersom*) — нем. *Druse* 'сросшийся кристалл' (сюда и *Drüse* 'железа', ср. выше *железо* — *железа́*) — русск. *дресва́* и близкие.

Подходя к концу настоящего очередного краткого очерка лингвистических проблем этногенеза, подчеркнем еще раз, что сейчас не имеет смысла спорить в принципе против возможности включения аллоэтнических компонентов в славянский этнос, в праславянский ареал. Это не означает, однако, что надо широко отворить ворота всем и всяким версиям, лишь бы в них утверждалась гетерокомпонентность славян и их языка. Напротив, и перед научной критикой в этой области встают более сложные и ответственные задачи. На IX Международном съезде славистов в Киеве чехословацкий лингвист старшего поколения К. Горалек специально посвятил свой доклад критике теории восточных влияний в праславянском языке¹⁹. Видимо, он выступил очень своевременно, потому что о таких влияниях пишут в последнее время все более и более охотно, и тут, действительно, нужна критика. Особенно везет здесь славному городу Киеву, под знаком 1500-летия которого проходил последний съезд славистов. Тысячу пятьсот лет назад — это время праславянское, т.е. наша тема, поэтому позволим сказать себе здесь несколько слов также об этом. Упомянем здесь новую попытку вернуться к осмыслению одного из названий Киева у Константина Багрянородного (X в.) — *Σαββατάς* в связи с древнееврейским названием субботы и еврейско-хазарскими влияниями²⁰. Эта мысль не новая и понятная, хотя и окружена она преувеличениями вроде того, что в Киевской области целый ряд рек носят название того же происхождения ('субботные, стоячие'). Все-таки для появления иноязычной гидронимии нужен соответствующий этнический слой в течение длительного времени, ср. тюркские названия вод на юге Украины ... Но откровенно плохо дело

обстоит тогда, когда правильные, современные идеи и принципы пытаются распространить на собственные оплошности конкретного анализа. Так, совсем недавно один автор, справедливо возражая против мысли о "чистом" этносе славянства, принял за этимологизировать названия города Киева²¹. Очевидную связь **kyjevъ* < **kyjъ* он отверг и обратился к иноязычным названиям этого города — др.-исл. *Kænugarðr*, нем. стар. *Chungard*, полагая, что открыл в нем тюркское племенное название *Kun*, из варианта которого якобы и происходит *Кы-евъ*. Автору этому осталось неизвестно, что германское, норманское *Kænugarðr* — это всего лишь отражение славянского **Kujanjъ* (род. мн.) *gorðъ* 'город людей Кия'²². Окончательно запутывает себя молодой ученый ссылками на средневековые латинские формы *Sygow*, *Kygiouia*, где *g* — распространенная графема для *j*, и в целом никакого тюркского *kyju* 'лебедь' здесь нет и в помине. Тем самым рухнуло и построенное ad hoc этногенетическое здание "потомков оставшейся в среднем Поднепровье части венгерской орды", которые "смешались с пришедшим в середине XI в. родственным половецким племенем куев (ковуев)".

Войти в эти детали меня вынудила необходимость развеять заблуждение, а также твердая уверенность, что мелочей не существует.

С Киевом более или менее все ясно, остается пожелать, чтобы такая же ясность установилась с более древними эпохами формирования славянства. Я думаю, что ради этой ясности работаем все мы. Лингвисты, со своей стороны, немало сделали для воссоздания праславянского языка и его словарного состава. Не может поэтому не удивить, когда довольно известный американский славист Х. Лант в коротенькой статье "On Common Slavic" вдруг заявляет, что раннепраславянский, реконструируемый в этимологических словарях, "is entirely hypothetical", протославянский — "a pure abstraction"²³. Именно так, росчерком пера, без доводов охарактеризованы конкретнейшие труды, основанные на огромном количестве фактов. Посмотрим, какая же у автора собственная положительная программа; возможно, свою реконструкцию он аргументировал солиднее. Увы, нас ждет разочарование, тем более острое, что сейчас в Соединенных Штатах уровень сравнительного языкознания довольно высок. Автор явно путается в диалектной характеристике праславянского: то ратует (с опозданием) против бездиалектной концепции праязыка, то говорит про какую-то "абсолютную однородность до VIII в." Недовольный чужими гипотезами и абстракциями вот какую "доказательную" картину славянского этногенеза (или чего-то другого взамен) рисует он сам: "группа из 500 или 1000 индивидуумов, живущих особняком" или несколько таких групп (охотников, скотоводов), захваченных кочевой аварской империей в качестве "подневольных земледельцев, ставших пограничниками (анты — на востоке, винды — на западе)" или "военными моряками" (склавины); около 550—800 гг. благодаря их успеху и мобильности распространилась единая (homogenized) lingua franca по всей Восточной Европе. Даже о киммерийцах рискованны утверждения, будто они как особый этнос никогда не существовали и это был "подвижный конный отряд", но о киммерийцах мы не знаем

почти ничего, во всяком случае — в сравнении с тем, что мы знаем и что мы способны восстановить с фактами в руках о славянах древности, о которых нам тут пишут похуже, чем о киммерийцах. Остается признать, что мы не так часто встречаемся со случаями, когда, как в данном примере, с безответственностью распоряжаются самобытностью и самостоятельностью славян, что побуждает нас и в чисто научном обсуждении этногенеза и параметров его исследования отвести видное место напоминаниям о научной этике и научной добросовестности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чехословацкий индоевропеист А. Эрхарт, сознательно не претендуя на новизну, отдает предпочтение концепции, которую он формулирует как происхождение праславянского из "протобалтийского диалектного континуума", возлагая всю ответственность за праславянские языковые отличия на контакты с иранским. См. *Erhart A. U kolébký slovanských jazyků//Slavia*, роён. 54. Seš. 4. 1985, 337 и сл.
- ² *Udolph J. Kritisches und Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässernamen für die Ethnogenese der Slaven//ZfslPh. XLV. 1. 1985, 49.*
- ³ *Cvetko-Orešnik Varja. Zu neuen iranisch-baltoslawischen Isoglossen-Vorschlägen//Linguistica XXIII. Ljubljana, 1983, 242.*
- ⁴ *Bialeková Darina. IX. medzinarodný zjazd slavistov//Slovenská archeológia XXXII. 1. 1984, 241.*
- ⁵ *Birnbaum H. A typological view of Serbo-Croatian: some preliminary considerations//Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику XXVII—XXVIII. Нови Сад, 1984—1985, 79, сноска 5.*
- ⁶ *Толстой Н.И. Из истории славистики. Опыт карты праславянских диалектов Д.П. Джуровича. 1913 г.//Там же, 789 и сл.*
- ⁷ *Schuster-Sewc H. Zur Bedeutung des Sorbischen und Slowenischen für die slawische historisch-vergleichende Sprachforschung//Slovansko jezikoslovje. Nahtigalov zbornik ob stoletnici rojstva. Ljubljana, 1977, 444.*
- ⁸ *Udolph J. Kritisches ...*, 51.
- ⁹ *Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Berlin; Wiesbaden, 1971. Bd. II; 892.*
- ¹⁰ См о последних: *Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978, 80, s.v. Balaton.*
- ¹¹ *Eichler E. [Pen:] G. Schramm. Eroberer und Eingesessene. Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr. Stuttgart, 1981//ZfSl. Bd. 30. H. 2. 1985, 298.*
- ¹² *Ondruš Š. Meno rieky Poprad je slovansko-slovenské // Slovenská reč 50. 2. 1985, 102 и сл.*
- ¹³ *Moszyński L. Z zagadnień słowotwórstwa prasłowiańskich nazw plemiennych // Etnogeneza i topogeneza Słowian. Warszawa; Poznań, 1980, 65 и сл.*
- ¹⁴ *Boba I. "Abodriti que vulgo Praedenecenti vocantur" or "Marvani Praedenecenti"? // Palaeobulgarica/Старобългаристика VIII, 2, 1984, 29 и сл.*
- ¹⁵ *Dickenmann E. Studien zur Hydronymie des Sauesystems. II. Heidelberg, 1966, 55.*
- ¹⁶ См. *Kunstmann H. Zwei Beiträge zur Geschichte der Ostseeslaven. I. Der Name der Abodriten.// WdS XXVI, 2, 1981, 399.* Собственная идея Кунстмана о происхождении славянского племенного названия из греческого апеллатива *ἀπατρίς*, мн. *ἀπατρίδες* 'безродные' (Там же, 402 и сл.) по меньшей мере сомнительна.
- ¹⁷ *Сафронов В.А., устная консультация 24.1.1985 г.*
- ¹⁸ *Bukowski Z. Problematyka osadnicza dorzecza Odry, Wisty i Bugu w II i w I poł. I tysiąclecia p.n.e. jako jeden z elementów poznawczych dla badań nad topogenezą Słowian//Archeologia Polski, XXIX. 2. 1984, 298.*
- ¹⁹ *Hordék K. K etnogenezi Slovanů. Příklad ke kritice teorie orientálních vlivů v praslovánštině // Československá slavistika 1983 (отд. отт.).*
- ²⁰ *Архинов А.А. Об одном древнем названии Киева // Вопросы русского языкознания. V. Изд-во МГУ, 1984, 224 и сл.*

- ²¹ *Яйленко В.П.* Тюрки, венгры и Киев: к происхождению названия города // *Этногенез, ранняя этническая история и культура славян*. М., 1985, 40 и сл.
- ²² *Schramm G.* Die normannischen Namen für Kiew und Novgorod // *Russia mediaevalis* V, 1. München, 1984, 76 и сл.
- ²³ *Lunt Horace G.* On Common Slavic // *Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику*, XXVII—XXVIII. Нови Сад, 1984—1985, 417 и сл., особенно 420—422.

О.Н. Трубачев

ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Всем понятен смысл индоевропейской проблемы, центральной и труднейшей проблемы сравнительного языкознания, но сформулировать ее нелегко, и притом каждая эпоха вносит свое в эту формулировку. Образ индоевропейского генеалогического древа с единым стволом и отходящими от него ветвями, очевидно, устарел, хотя на практике служит и по сей день. Более адекватной кажется сумма этногенезов, или образ более или менее близких параллельных стволов, идущих от самой почвы, т.е. подобие куста, а не дерева; этот образ неплохо передает древнюю полидиалектность, но и он не вполне удовлетворителен, поскольку недостаточно выражает то, что придает индоевропейскому характер целого. Это целое не ограничивается корнями, но существует, существовало и в виде объединяющих слоев. Таким образом, мы должны изучать частные этногенезы славян, германцев, балтов, греков, армян, фракийцев, иллирийцев, индоиранцев, анатолийцев и других на индоевропейском фоне, а также эти объединяющие их слои.

Узколингвистический подход к индоевропейской проблеме не выдержал испытания временем; индоевропейцы — это не только имя, глагол, аблаут, синтаксис, это и выраженная в языке культура. Значит, задача не только в том, чтобы сопоставлять независимые результаты языкознания и археологии, но и в том также, чтобы типологию языкового материала продолжить на типологических аналогиях за пределами языка, т.е. в широкотипологическом подходе к этногенезу и к индоевропейской проблеме. Общеметодологическое значение этих исследований не оставляет сомнений, их результат в перспективе призван стать частью нашего самосознания.

Вместе с тем сложность предмета такова, что сохраняют силу и такие слова, сказанные лингвистом: "Наука — это диалог, и никто из нас не может претендовать на то, что он сказал последнее слово".

Один из недавних обзоров происхождения индоевропейцев по итогам языкознания, археологии и антропологии констатирует, что "источки индоевропейства еще не уловимы археологически"¹. Следом идут признания вроде того, что археология одна не может разгадать начало прагерманских этнических групп². Наконец, при всей вероятности соответствующих этнических перемещений, "в археологических материалах, обнаруженных на территории к северу от Альп и относя-